

ПАРАДОКСЫ МАСТЕРА

Несколько лет назад наше радио проводило своеобразный вокальный конкурс: на Италию передавался концерт, в котором звучали в записи неаполитанские песни в исполнении десяти известнейших наших певцов разных поколений. Самим итальянским слушателям предлагалось расставить исполнителей по местам и в письмах обосновать свое решение. С редким единодушием почти все приславшие отклики в Москву поставили на первое место «баритона Павла». Листаю эти письма: в одном из них радиослушатель рекомендует итальянским артистам пойти на выучку к советскому баритону, в другом — семья любителей музыки восторженно отзывается не только о вокальном мастерстве нашего певца, но и восхищается его безупречным итальянским языком, в третьем — тембр голоса Лисициана сравнивается с расплавленным золотом...

...Яркая, активная, наполненная разнообразной деятельностью жизнь Павла Герасимовича Лисициана многому может научить молодежь, входящую в искусство. Вот несколько примеров.

Родился он во Владикавказе, ныне Орджоникидзе, в семье бурового мастера, и сам с пятнадцатилетнего возраста, после окончания школы-девятилетки, трудился на буровых. За три года прошел путь от подсобного рабочего до мастера. Сарайчик во дворе отцовского дома был приспособлен под мастерскую — мудрые родители с малых лет прививали детям трудовые навыки. Занятия в общеобразовательной школе, да еще в музыкальной по классу фортепиано и виолончели, да еще в хоровой капелле перемежались у будущего певца с физическим трудом, что очень пригодилось потом в жизни.

В пятнадцать лет юноша распрощался с Владикавказом, с родительским кровом и стал кочевать с буровыми партиями. В восемнадцать лет по направлению Тифлисского геологического управления Павел Лисициан был принят на рабфак Ленинградской консерватории. Но это был еще не окончательный выбор профессии, и к рабочей жизни вскоре пришлось вернуться. Дело в том, что первый педагог неверно определил характер голоса певца и занимался с ним как с тенором. Профессора ввели в заблуждение красивые и свободные верхние ноты ученика, и увлечение ими вскоре привело к несчастью — голос был совершенно сорван. Павел Лисициан, отчисленный из консерватории, трудится на ленинградских заводах — сварщиком, клепальщиком и даже молотобойцем. Но искусство властно тянет его к себе, и чтобы быть поближе к сцене, он в свободное время работает статистом в Театре драмы имени Горького. Там он и получил первые уроки актерского мастерства. Так начался его большой путь в искусство — от статиста до премьеры. Постепенно голос восстановился, и там же, в драматическом театре, состоялся вокальный дебют Лисициана — он спел в пьесе М. Загорского «На западе без перемен» роман Шапорина на стихи Пушкина «Ночной зефир».

Главные достижения артиста связаны со сценой Большого театра СССР — двадцать шесть сезонов служил Павел Герасимович в Большом, спев за это время 1.800 спектаклей! Но были еще и успешные гастроли во всех оперных театрах страны и во многих знаменитых зарубежных.

Ошеломить читателя перечнем заслуг Лисициана, реестром его побед и триумфов, взяв в «свидетели» рецензентов сотен газет и журналов, несложно — благо он объездил всю нашу страну с концертами и спектаклями — от Калининграда до Камчатки и десятки стран мира. Более важным представляется постичь

сущность его исполнительского метода и указать на те особенности, если даже хотите, парадоксы, которыми изобилует наполненная и разнообразная жизнь Павла Герасимовича.

Парадокс первый

Как-то Борис Александрович Покровский сказал:

«У Лисициана были все предпосылки для того, чтобы существовать спокойно и безбедно и радовать слух публики, служа своему голосу, красивому, мягкому, бархатному баритону, но он человек артистически неуемный и ощутил бы свою жизнь трагичной, если бы ограничился лишь вокальной стороной дела и не стремился стать актером-певцом. Когда я впервые услышал Лисициана в предвоенные годы, — продолжает режиссер, — он, на мой взгляд, излишне «шикарил» звуком, дыханием. Все вокруг получали удовольствие от красивого пения, и можно было на этом остановиться, как делают многие. Тем более что «питательная среда» тут блестящая — всегда в зале найдутся люди, которые жаждут лишь вокальных утех и готовы боготворить своего кумира лишь за красивые верхние ноты.

Но художник, артист вскоре возобладали в Лисициане и все настойчивее заявлял о своих правах. Звук, вокал, музыкальность стали для него лишь средством выражения человеческой сущности его героев. «Инструмент», вокальные достоинства он целиком подчиняет требованиям роли, из цели превращая их в средство, и благодаря этому достигает грандиозных результатов как актер-певец. Я глубоко убежден, например, в том, что ни у нас, ни в других странах, где мне доводилось слушать и ставить «Травиату» Верди, такого Жермона, как Лисициан, не было и нет».

О том, как Павел Герасимович фанатично трудился не только как певец, но и как актер буквально до последнего дня своей работы в театре, вспоминает Ирина Константиновна Архипова:

«Вскоре после моего прихода в труппу А. Ш. Мелик-Пашаев и Б. А. Покровский стали

ставить оперу Верди «Фальстаф». Для меня было удивительным, что в Лисициане, в жизни таком благородном, сдержанном, обнаружился дар комедийного актера. Он был просто уморителен в своей самой последней роли — Форда. Поразило и другое: два народных артиста, знаменитых певца — Алексей Петрович Иванов — Фальстаф и Павел Герасимович Лисициан — Форд изо дня в день репетировали с полной отдачей. Они катились по пыльной сцене, придумывали и до седьмого пота отработывали каждую деталь эксцентрической сцены нападения на Фальстафа. Это был урок на всю жизнь! Вот так и нужно трудиться настоящему мастеру, без снобизма, без одолжения, без компромиссов, и на него не должен давить груз прошлых заслуг».

Парадокс второй

Павлу Герасимовичу удавалось гармонично совмещать в своем творчестве лирический и драматический музыкальные пласты. Когда он готовил, например, партию дикого, стихийного Казбича в опере А. Александрова «Бэла» или эфиопского царя Амонасро в «Аиде», или сжигаемого роковыми страстями Грязного в «Царской невесте» Римского-Корсакова, скептики перешептывались: «Что он делает, зачем так рисковать, потеряет голос!» Но благодаря строгой самодисциплине, повседневной вокальной работе, редким природным данным и, конечно же, благодаря мастерскому руководству и помощи замечательных дирижеров — Н. Голованова, А. Мелик-Пашаева, В. Небольсина, С. Самосуда — трудности преодолевались без всякого ущерба для голоса.

Роберта в «Иоланте» Чайковского, Сильвио в «Паяцах» Леонкавалло, Жермона в «Травиате» Верди, Онегина, Елецкого поют обычно лирические баритоны, а Эскамильо в «Кармен» Бизе, Грязного, Амонасро — драматические. Считается, что совпадение двух этих «амплуа» приводит к стиранию тембра, излишней вибрации. Лисициан своей творческой жизнью доказал, что это не так, и художественная значимость созданных образов лишь возрастала.

Парадокс третий

Певцу, вслед за композитором, нелегко бывает достичь идеального синтеза музыки и слова, в результате одни поют невнятно, чтобы не потревожить бельканто, другие, наоборот, утрируют согласные и рвут вокальную линию, нарушая равновесие во фразе. Лисициан, казалось бы, с легкостью разрешает это противоречие, но за этой кажущейся легкостью — воля и упорство, которые заслуживают особой оценки, если мы вспомним, что до восемнадцати летнего возраста он жил вне русской языковой среды. У певца не просто внятная дикция — его слово в пении эластично, емко, тонко окрашено эмоционально и смыслово. Он не преодолевает трудности, а наслаждается, и вместе с ним наслаждаемся и мы гармоничностью певческого процесса.

В большой степени благодаря ювелирному мастерству в работе со словом, а также благодаря многокрасочности звуковой палитры Лисициану удавалось на протяжении многих лет успешно совмещать оперное и камерное исполнительство. У него в репертуаре огромное количество романсов русских и зарубежных композиторов-классиков, а также современных авторов, которые он готовил и исполнял с великолепными партнерами-пианистами, многому учась у них.

Парадокс четвертый

В вокальной среде бытует мнение, будто бы увлечение современной музыкой пагубно влияет на состояние голосового аппарата. Мол, разучились композиторы писать для голоса, поэтому нужно держаться классического репертуара. К сожалению, в репертуаре многих наших известных оперных певцов мы почти не встречаем произведений советских композиторов. Лисициан опроверг и это досадное заблуждение. Оказывается, серьезная повседневная работа позволяет без всякого ущерба для голоса совмещать классический и современный репертуар. Исполнение им партий Рылеева в «Декабристах» Ю. Шапорина, Наполеона в «Войне и мире» С. Прокофьева, Андрэ в «Джигале» Н. Жиганова, Мити, Листницкого и Есаула в опере И. Дзержинского «Тихий Дон», отдельных романсов и вокальных циклов Д. Шостаковича, Н. Мясковского, А. Хачатуряна, Д. Кабалевского — неопровержимое тому доказательство.

Лисициан всегда окружен учениками — и сегодня, будучи педагогом-консультантом в Большом театре и в Московской филармонии, и в годы своей певческой работы. Зураб Анджапаридзе вспоминает, например, что Павел Герасимович, заранее приходя на спектакль, сначала «распевал» своих коллег, а потом уже настраивался сам. Борис Штоколов считает, что именно благодаря консультациям мастера ощутил вокальную свободу и почувствовал себя профессиональным певцом.

Все четверо детей Павла Герасимовича — две дочери и два сына — тоже выступают на сцене. Они считают, что роль отца в их воспитании, профессиональном становлении огромна.

В армянском языке есть труднопереводимое на русский слово — варпет. Строгий и глубокий смысл вкладывается в него, так обращались к Аветику Исаакяну, Мартиросу Сарьяну, Ваграму Папазяну, Араму Хачатуряну... Чистой жизнью и честным трудом можно завоевать право на столь гордое и вместе с тем простое имя. Наше слово Мастер, написанное с большой буквы, сродни ему.

Долгих лет жизни тебе, варпет Лисициан.

Сергей ЯКОВЕНКО,
заслуженный артист РСФСР.

Народный артист СССР П. Лисициан.
Фото В. Кузнецова.